

ДИСКУССИИ

**От циклизма до теологизма, или Снова об особенностях
русской истории***А. Ю. Дворниченко*

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. От циклизма до теологизма, или Снова об особенностях русской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 531–548. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.214>

Статья написана в рамках дискуссии, начавшейся в предшествующем номере журнала. Концепция автора этих строк рассматривалась участником дискуссии Б. Н. Мироновым как один из примеров циклическо-маятниковой теории, с чем автор совершенно не согласен и старается показать в данной статье, что теория смут — только часть, пусть и достаточно важная, его общего представления о русской истории. При этом, по мнению автора, важнейшая роль в изучении истории принадлежит концептуальным представлениям, а не отвлеченной теории. Суть же концепции такова: двигаясь от древнего общинного «начала» через стадию архаического военно-служилого «государства», государство как таковое в полной мере оформляется в России только в XVI в., формируя в следующем столетии целостный образ уникального русского государственно-крепостнического строя. Этот тяжеловесный и инертный общественный порядок в ходе «новой» русской истории периодически сотрясается повторяющимися смутами. Можно, конечно, считать такого рода смуты некими циклами, однако важно обратить внимание на то, что, с одной стороны, государственно-крепостнический строй после смуты восстанавливается, а с другой — смуты постепенно разрушают государство, и очередная смута может и вовсе с ним однажды покончить. Автор полагает, что отрицание теории смут и упор на теорию модернизации приводит к некой односторонности в изображении русской истории, ее лакировке. Это наблюдается в статьях сторонников Б. Н. Миронова, в частности опубликованных в рамках дискуссии. Не так однозначно решается проблема «Россия — Запад». Такое характерное для России явление, как авторитаризм, — отнюдь не столь эффективно,

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

особенно ввиду непредсказуемости его последствий. Вообще, не стоит преувеличивать достижения в развитии нашей страны: слишком дорога цена смут, когда фактически происходит процесс демодернизации. Для понимания сути и специфики российской истории необходимы дальнейшие активные дискуссии.

Ключевые слова: Б. Н. Миронов, циклично-маятниковое развитие, теория смут, модернизация, дискуссии.

From Cyclism to Theologism, or Again about the Peculiarities of Russian History

A. Yu. Dvornichenko

For citation: Dvornichenko A. Yu. From Cyclism to Theologism, or Again about the Peculiarities of Russian History. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 2, pp. 531–548. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.214> (In Russian)

This article was written as a response to the discussion in the previous issue. The concept of the author was regarded by B. N. Mironov as cyclic-pendulum, or inversion nature of Russia's development. According to it, Russia, unlike the West, is characterized not by progressive, but by spasmodic pendulum development: progress is replaced by reaction, movement goes in a vicious circle. However, this concept is only a part of the whole theory of Dvornichenko, which states, in essence, that the state emerged in the Russian history late, only in 16th century, and in time acquired unique features of state-serfdom system. This system was from time to time disturbed by so called "Smutas" (crises). It is possible to regard these phenomena as cyclic, but it is necessary to take into account that the state after a period of crisis, on the one hand, revives, but on the other hand, there is a tendency towards collapse during such periods and a possibility of the state's final dissolution. Some neglect of these phenomena in our history and the desire to study only so-called modernization leads historians to a biased picture of the Russian history, which glosses over the truth. This is evident in the works of B. N. Mironov and his adherents, particularly, in the articles published within the framework of this discussion. One could not overestimate a positive impact of authoritarian power in our history because it is a main cause of every "smuta". In general, we shouldn't exaggerate the achievements of the country because the price of every crisis period with the process of demodernization is dear. For the further understanding of the Russian history new and active discussions are necessary.

Keywords: B. N. Mironov, cyclic-pendulum development, the theory of *smutas*, modernization, discussions.

Я не живописец, мне детали
Ни к чему, я лучше соль возьму.
А. А. Тарковский

В прошлом номере нашего журнала состоялась дискуссия по поводу важных явлений отечественной истории. И сама дискуссия, что называется, будит мысль, да и работы автора этих строк были упомянуты, так что, как говорится, не могу молчать. Приходится сосредоточиться на ответе Б. Н. Миронову, но хотелось и другие статьи затронуть. Впрочем, и глубокоуважаемому Борису Николаевичу Миронову (далее Б. Н.) полновесно сказать что-то трудно из-за рамок статейного жанра, а мне ведь надо и свои взгляды на историю России как-то отстоять, и автора статьи¹ покритиковать. Хотя, последнее и вовсе невозможно не только из-за масштабно-

¹ *Миронов Б. Н.* Циклические концепции истории России в современной историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68, вып. 1. С. 130–158.

сти его трудов, но еще и ввиду моей большой симпатии к концепции Б. Н. Но что поделаться, если он *клио-терапевт* и исторический оптимист, а я... Вообще-то мне не хотелось бы быть ни оптимистом, ни пессимистом, просто хочется понять суть и специфику российской истории.

В его статье «Циклические концепции истории России в современной историографии» я фигурирую в славной компании адептов «концепции о циклическо-маятниковом, или инверсионном, характере развития России». Вот тут и заключена главная ошибка касательно моих взглядов: никогда я не был поклонником такой мудреной версии российской истории. Ошибка сия, видимо, проистекает из того, что Б. Н. не взял мои труды *in toto*, а ограничился двумя, посвященными новой истории. Это тем более обидно, что подходы других членов «нашей компании» критик берет с древности до наших дней. Так вот, сначала о компании...

В нее, помимо меня, Б. Н. включил культуролога, социального философа и политолога. Труды их известны, на слуху, пользуются уважением и пр. Все-таки мне хотелось бы от них отмежеваться, поскольку я числю себя по разряду историков и, не будучи пуристом и снобом, все-таки считаю, что историей наиболее эффективно занимаются именно историки. Лет двенадцать назад мне уже приходилось говорить об этом, замечая, что в работах неисториков (кстати, кое-кого и из компании упомянул) явно не хватает *историзма*². Исключение, пожалуй, составляют историки-юристы и историки-экономисты, тем более что отделить их от «чистых» историков было очень трудно (во всяком случае, до 1917 г.).

Единения наук (социологии и истории), к которому призывал Б. Н.³, не произошло. Более того, за эти годы мы наблюдали коллапс прежней социологии/философии, всей марксистско-ленинской науки. Да и первый ли это раз?! Давно ли мы сбрасывали с «корабля истории» позитивистов, неокантианцев и прочих «классовых врагов»?! Если историк будет зависеть от всех этих теоретических изысков, этих «-измов», которые меняются, как в калейдоскопе, незавидна его судьба. Во всяком случае, в России...

Хочу быть правильно понятым: я не против так называемой методологии, си-речь теории. Она, безусловно, обогащает исследовательскую палитру, да и некоторые уровни обобщения невозможны без теоретического аппарата и сленга. Но добротная историческая концепция, которая основывается на всем богатстве исторических данных и историографии⁴, гораздо полезнее для понимания истории, чем десятки теоретических трудов. На правах человека, уже более 40 лет изучающего и преподающего русскую историографию (то, что я назвал историологоведением⁵), говорю, что, все время находясь под влиянием разных западных философий, русские историки умудрялись создавать вполне работающие концепции родной истории. В советский период пытались все эти великие достижения русских историков дискредитировать, но сама советская наука устарела гораздо больше, чем труды

² Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 21.

³ Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 166.

⁴ В своих работах с какого-то времени я стал для ясности историю как науку называть историологией, а традиционную историографию (в качестве истории исторической науки) — историологоведением.

⁵ См., например: Дворниченко А. Ю. Начало диалога или конец истории? // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 4. С. 1288–1301.

дореволюционных ученых. Историческая концепция, собственно, и есть та «описательная гипотеза», которая была воспета Б. Н. в 1980-х гг.⁶

Мне важно дистанцироваться от «компании» и потому, что Б. Н. время от времени все-таки смешивает нас и критикует, так сказать, скопом. В чем же состоит мой грех цикличности, по Б. Н.? Причем, похоже, что грех мой самый серьезный, так как воплощая я, «вероятно, самый последовательный циклизм в историографии: все идет по кругу; принципиальных изменений нет, а происходящие перемены только укрепляют существующий строй и поддерживают маятниковый характер исторического процесса»⁷.

Б. Н. имеет в виду теорию смут в России, которую довелось высказать в кое-каких работах⁸. Нигде и никак не связывал я это явление с некоей цикличностью, а если где и употребил это слово, то только в кавычках. Сама по себе данная теория является своего рода логическим завершением моей более общей концепции русской истории, рассматривающей русскую историю с древности. Вот о ней-то Б. Н. вовсе не упоминает, а посему придется ее кратко изложить. Отмечу, что опирается она на все богатство русской дореволюционной науки и на мои собственные многолетние наблюдения. Другими словами, восходит она не к неведомому мне американскому разведчику, автору какого-то PENDULUMa, и даже не к известному историку Э. Карру, а к нашим российским славным историкам посткарамзинской эпохи. При этом не могу не заметить, что, восхищаясь нашей классической наукой, считаю себя еще и адептом определенной научной школы в современной России, а именно школы И. Я. Фроянова, представители которой ныне трудятся во многих регионах нашей страны.

Государство на территории нашей страны сложилось поздно, оформившись в полной мере лишь в XVI в. Весь период так называемой Киевской Руси — это наша общая восточнославянская (русская, украинская, белорусская) Античность⁹. В политическом отношении это время продвижения от вожеств к волостным политиям (городам-государствам), время общинного народоправства. Оно было значительным и в XIII–XV вв., когда на основе земель Киевской Руси, в условиях иноземных вторжений развиваются основные социальные организмы: Великий Новгород и Псков, где постепенно созревала и перезревала древнерусская демократия; Великое княжество Литовское, Жомойтское, Русское (ВКЛ), а также Московское государство — ранние военно-служилые государства, где древняя демократия тоже была еще сильна¹⁰. Москва и Вильно — это два центра объединения разроз-

⁶ Миронов Б. Н. Историк и социология. С. 35–36.

⁷ В другой работе исследователь отмечал, что я называю (?) свою концепцию «циклической», а хотя корректнее ее назвать «маятниковой». См.: Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 7.

⁸ Дворниченко А. Ю.: 1) Российская история с древнейших времен...; 2) Россия. Загадка истории. М., 2015; 3) Прощание с революцией. М., 2018; 2) Смута как фактор российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 3. С. 677–701. — Полагаю, что концепция может отражаться не только в научной, но и в научно-популярной литературе. Примером может служить «Российское царство» А. Е. Преснякова, где концепция представлена даже шире и глубже, чем в «Образовании Великоорусского государства».

⁹ Dvornichenko A. Yu. The place of the Kievan Rus in history // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016, вып. 4. С. 5–17.

¹⁰ С названием «Московское государство» есть определенные трудности. Такой глубокий исследователь русской старины, как А. Л. Хорошкевич, настаивала на названии «Государство всяя Ру-

ненных древнерусских полисов¹¹, и понять как следует историю молодых восточноевропейских государств, ВКЛ и Московского, можно только в совокупности (это уж точно некая дихотомия)¹².

Во второй половине XVI в. ситуация выглядела следующим образом: Великий Новгород и Псков утратили свой прежний независимый статус, будучи завоеванными Москвой, а ВКЛ, пойдя по пути аристократического развития, в 1569 г. объединилось с Польшей в Речь Посполитую. Еще один вариант — то самое Московское государство (Россия), в истории которого есть переломная дата 1565 г. — кровавая Опричина, можно сказать, наша первая революция сверху. Начался двуединый процесс: формирование государственно-крепостнического строя (ГКС), с одной стороны, и земской традиции, опиравшейся на древнее народоправство, с другой стороны¹³.

На формирование ГКС ушло около столетия — юридически в основных чертах он оформился в самом фундаментальном памятнике московской юридической мысли — Соборном уложении 1649 г., которое было фактически действующим вплоть до начала XX в. Для этого строя характерна чрезвычайно сильная (самодержавная) центральная власть с особым модусом построения отношений с «окраинами» и с многочисленными народами, оказавшимися в орбите его влияния¹⁴. Эта власть все крепнет и крепнет, а земская традиция отступает на задний план. Но выявляется и еще одна особенность ГКС: время от времени он переживает смуту...

Дальше я мог бы и не продолжать, поскольку концепцию мою довольно подробно изложил Б. Н. Я бы только не называл смуту «народным движением», поскольку значение этого понятия гораздо шире, а главное, он не обратил внимания на одну существенную деталь: с каждой смутой наша Россия распадается на части. И если после первой смуты ее не только удалось собрать, но потом и значительно расширить, то после второй смуты некоторые части отпали уже навсегда, а после третьей — хранина и вовсе развалилась, вернувшись территориально к границам XVII в. Российская империя во всех ее видах — вовсе не тюрьма народов, как утверждали ее недоброжелатели, а некий питомник по «выращиванию» новых стран, которые, как юные пчелки, навсегда улетают от своей «пчеломатки». Образ хромает, поскольку эти «пчелки» часто хотят побольнее ужалить свою прародительницу. На этом фоне информация, прозвучавшая на высочайшем уровне, о том, что у нас

си», и тут есть своя правда. Во всяком случае, «Московское государство» — понятие сугубо кабинетное, а «Московия» (против применения такого названия активно возражал С. О. Шмидт) ведет нас в сторону западных травелогов (записок путешественников). Назовем Россией и, наверное, не ошибемся, хотя это название прививается только в конце XV в.

¹¹ Нельзя отрицать «скрепы», которые объединяли эти земли (религия и церковная организация, этничность, культура), но не могли создать государственности.

¹² *Dvornichenko A. Yu. Why the GDL? Why Muscovy? The Early States of Eastern Europe in Comparative Historical Discourse // Russian History. 2022. No. 48 (2). P. 129–157.*

¹³ *Дворниченко А. Ю.: 1) Российская история с древнейших времен...; 2) Земская и государственная традиции в истории дореволюционной России // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 459–474.*

¹⁴ *Дворниченко А. Ю. Центр и регионы в России при «старом режиме»: диалектика развития взаимоотношений // Центр и регионы в истории России: проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия. СПб., 2010 (Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного ун-та. Т. 1). С. 8–61.*

в стране на настоящий день насчитывается 12 тыс. территориальных претензий, звучит не очень обнадеживающе.

Так что в следующую смуту может случиться... Впрочем, вот здесь остановимся. В чем я твердо уверен, так это в том, что историк ни в коем случае не должен быть оракулом. Есть же, в конце концов, и «черные лебеди» в духе «эмпирического скептика» Нассима Талеба. Ну, например, как в известном анекдоте: «Жители метеорита испугались приближающегося Челябинска». Как бы там ни было, совершенно неверно называть такую концепцию циклической и относить к ней сакральную фразу: «А россияне 1055 лет (к 2022 г.) бегают по замкнутому кругу!»

Впрочем, и с этой циклической теорией надо еще разбираться. Б. Н. ее несколько упростил, сведя к библейскому возвращению «на круги своя». Впрочем, у него с этой теорией, похоже, отношения сложные: «Сама по себе цикличность в природе и общественном развитии общепризнана и считается нормой». Ему не нравится не цикличность сама по себе, а «представление о маятниковом, инверсионном характере российского исторического процесса». Что тут скажешь? Мы-то понимаем, что вся история человечества происходит между двумя полюсами: «все течет, все изменяется» (Гераклит) и «нет ничего нового под солнцем» (Соломон).

Встает вопрос об итеративности (повторяемости) и цикличности: как они соотносятся?¹⁵ И второй вопрос: что все-таки можно оставить в рамках сугубо линейной схемы¹⁶, а что отдать на рассмотрение циклистов¹⁷? Современные адепты социальной философии отнюдь не сводят циклическое развитие к теории круговорота. Не исключено, что вся история России — некий цикл, который имеет свое начало и конец. Ну, в такой циклизм в общем-то поверить можно, помня о судьбах Вавилонии, Ассирии, Древней Греции, Древнего Рима и пр., а вот в какую-то там «маятниковость» я не верю.

Из всего сказанного, как мне представляется, ясно, что концепция моя вовсе не циклическая, а скорее телеологическая — рассматривающая процессы в плане их начала и конца. Впрочем, как это назвать в целом, для меня не так уж и значимо, в отличие от Б. Н., который всему хочет дать определения и связать с какими-то уже издававшими виды теориями типа «модернизации». Соглашусь с тем, что понятия, которые я употребляю («смута», «революция сверху», «предсмутная ситуация» и др.), еще не устоялись¹⁸. Но ведь те понятия, которыми нас потчевали со школь-

¹⁵ Повилайтис А. В. Проблема итеративности и цикличности исторического процесса: социально-философский анализ // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 168–174.

¹⁶ П. Сорокин делал уступку приверженцам старой линейной картины движения только для трех случаев: 1) рост населения на планете; 2) рост суммы знания и изобретений; 3) рост социальной дифференциации. См.: Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.

¹⁷ Лимонов В. А. Цикличность исторического процесса в социологии и философии XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 120.

¹⁸ Замечательно, что западная русистика наконец-то поняла, что наша смута отнюдь не укладывается в привычные понятия типа Time of Troubles. Термин smuta (а ведь он сугубо российский) наполнен страхом перед будущим, вытекавшим из прежнего исторического опыта, и советская смута в этом смысле связана не столько со спецификой советской системы, сколько с повторяющимися словами государства в российской истории (см.: Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М., 2022. С. 93). Тут я могу внести только одну поправку: и советская, и путинская «России» — ипостаси все того же российского ГКС. Тот же С. Коэн признал и «революции сверху»: «От Петра I до Сталина главным методом властных преобразований в России была «революция сверху»» (Там же. С. 85).

ной скамьи: все эти нескончаемые производительные силы и производственные отношения, — тоже не сразу установились в нашем лексиконе. Придет время и для «смутной» теории. Тем более что наша нынешняя власть от революции категорически открестилась, заменив праздник 7 ноября мало кому понятным и витально доступным праздником.

За концепцией смут определенно стоит будущее, в нее ведь не только я верю. Вот и участница дискуссии Н. О. Воскресенская пишет: «Наиболее логичной представляется постсоветская концепция А. Ю. Дворниченко, согласно которой события 1917 г., как и 1905 г., следует обозначить не как “революцию”, а как “смуту”»¹⁹. Да и сам Б. Н. в статье, о которой идет речь, тоже признает существование смут: люди не были поглощены только добычей хлеба насущного, как «обычно бывает в годы больших войн, смут и революций». Он вообще не чужд этого понятия²⁰. Так каково же соотношение этих явлений?

Несколько смущает меня (особенно в контексте данной дискуссии) поддержка моего восприятия нашей «смутной» истории самого, пожалуй, известного «империоведа» и «смутоведа» нынешней российской исторической науки В. П. Булдакова²¹ — автора знаменитой «Красной смуты», поскольку сам он уж точно циклист, и ему все равно, что смута, что революция²². Та же претензия у меня и к другим коллегам-«смутоведам» (ведь благодаря данной области моих научных интересов я оказываюсь в их числе). Так, у активно пишущего П. П. Марчени я замечаю тенденцию смешать «смуту» и «революцию», хронологически продлить смуту (например, горбачевскую) до наших времен, всерьез считать Россию империей, хотя таковой она всегда гордо является только по названию и по взглядам некоторых слоев населения²³. Остается только воскликнуть: «Смутоведы всех градов и весей, объединяйтесь и придите к компромиссу!» Только хочу еще раз напомнить: смута с революцией ничего общего не имеет. Сходство можно обнаружить разве только внешнее.

Отбросив в сторону излишнюю скромность, признаюсь, что считаю свою концепцию самой ясной и четкой, поскольку смуты в ней вырастают из всей тысячелетней истории России. А с тем, что «надежных эмпирически данных» для моей концепции не хватает, я не соглашусь. Ведь вся наша история, даже при учете слабости нашей источниковой базы по сравнению с западной, — материал вполне полновесный. Дело в том, что есть разные способы познания истории, например

¹⁹ Воскресенская Н. О. О факторах падения Российской империи и их оценках в исторической науке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, вып. 1. С. 63.

²⁰ Миронов Б. Н. Погрузившая в смуту и укравшая победу революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, вып. 4. С. 693–716.

²¹ Марченя П. П., Разин С. Ю. Империя Россия: по материалам научного проекта «Народ и власть» // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2020. Т. 12, № 3. С. 128.

²² Булдаков В. П. Революция или смута, стабильность или застой? К итогам столетних недоумений // Труды по русистике. 2018. № 7. С. 32.

²³ См. недавние статьи: Марченя П. П., Разин С. Ю. Империя Россия. С. 127–134; Марченя П. П.: 1) К вопросу о соотношении концептов смуты и революции в современном отечественном социогуманитарном знании // Философские исследования и современность. Вып. 10. М., 2021. С. 87–94; 2) Империя как форма бытия российской цивилизации (к вопросу о мировоззренческих императивах государственной политики в России) // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 315–317 и др.

ретроспективный, но, думаю, что лучше всего постигать историю страны именно так: двигаясь от истоков, от древности до наших дней. Одна из претензий к концепции Б. Н. именно в том и состоит, что русскую историю он начинает в основном с XVIII в., находя в предшествующем столетии некое «народное» государство, в существовании которого (во всяком случае в России) меня никто и никогда не убедит.

Но вернусь пока к проблеме «смута — революция». Мне, вообще-то, приятно видеть, что Б. Н. от революций не отказывается. Может быть, вот с ним-то мы и споем мои любимые революционные песни. Правда, из того, что я прочитал в статье «Циклические концепции истории России в современной историографии», я все-таки не понял, что же такое революция, да и что, собственно, в России происходило. В 1905–1907 гг. самодержавие само себя отменило и установило «дуалистическую монархию» (вариант конституционной монархии). В 1917 г. свергли уже эту монархию и за 8 месяцев (!) произвели кардинальные сдвиги в государственной идеологии и прочем. Но потом все снова полностью изменилось, произошел новый кардинальный сдвиг во всем — утвердилась советская власть. Ей, правда, понадобилось все-таки не 8 месяцев, а значительно больше — несколько десятков лет — для того, чтобы себя исчерпать, и вот вновь революция, теперь 1989–1993 гг.

«Заковыка» в том, что период, пришедший на смену советскому, представляется Б. Н. аналогом России до 1917 г.²⁴ Если это так, то перестройка оказывается все-таки не революцией, а контрреволюцией, результатом деятельности той самой компрадорской советской элиты, спутавшейся с «мировой закулисой»²⁵. Впрочем, в данной статье Б. Н. о таком тождестве не пишет, а ссылается на другую работу, в которой нарисован интересный образ нашей российской революции: старый мир она не разрушает, а строит новый мир, чем-то похожий на старый²⁶. Но тогда возникает вопрос, а какова же степень этого сходства: если миры похожи, то какая ж это революция? Тут, наверное, ближе к истине государственный советник Российской Федерации 1-го класса В. А. Никонов. Для него революция возможна только как движение «контрэлиты» (вот так революция!), зато каждый раз воспроизводится российская «матрица»²⁷.

Предпринятую Б. Н. верификацию концепции «реформы — контрреформы», сторонниками которой являются и члены нашей «компании», поддерживаю. Я тоже старался следить за модой на такую странную трактовку нашей истории — это отмечено в статье Б. Н. По мысли автора, в том, что «великие» реформы корректировались контрреформами, преобладал другой аспект — более органичное

²⁴ «Теперь многие сознают: вряд ли в феврале 1917 г. стоило торопиться со свержением монархии, а в октябре того же года — со строительством нового социалистического общества, способного всех удовлетворить и сделать счастливыми. На мой взгляд, самым убедительным доказательством этого является тот факт, что в начале 1990-х свергнутый в 1917 г. строй пришлось реставрировать» (Миронов Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 96). Тут, правда, с автором трудно согласиться: это скорее не реставрация, а созданная властью причудливая смесь черт советского, досоветского и нового общественного быта, а в общем тот же ГКС. Трудно также согласиться с тем, что в 1991–1993 гг. у нас произошла «третья буржуазная революция». См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб., 2003. С. XXII.

²⁵ Фроянов И. Я. Погружение в бездну. М., 2019.

²⁶ Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теории революции // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 72–84; № 3. С. 106–115.

²⁷ Никонов В. А. Российская матрица. М., 2014.

и рациональное по своей сути приспособление новых учреждений и институтов, созданных реформами, к традиционным институтам, к потребностям *всего общества, а не только его малочисленной образованной части*. Тут какое-то логическое противоречие: если такие масштабные реформы проводились в интересах лишь малочисленной образованной части, то какова им цена? Суть в том, что таким образом тяжеловесный ГКС пытался приспособиться к меняющимся условиям. У нас, собственно, реформ настоящих никогда и не было. Как показал в свое время А. Д. Градовский, Россия находится среди тех государств, «учреждения которых составляют искусственную систему»²⁸. Наши реформы — это, по сути дела, попытки искусственным способом изменить эту самую искусственную систему и лучше по частям. Отсюда такое отношение к указам, которые нередко имеют весьма условную связь с жизнью.

Реформы, не подкрепленные насилием (достаточно вспомнить времена Ивана Грозного, Петра I, Иосифа Сталина), приводят только к тому, что расшатывают существующий строй, как это и получилось со знаменитыми Великими реформами. Если же есть насилие, то это уже не реформы, а те самые «революции сверху». Вот их хватает (сроки, правда, различные), чтобы удерживать страну от очередной смуты. Это, конечно, также преемственность истории, но вот сравнение с Англией и США здесь вряд ли корректно, ведь дело не в зигзагах и задержках *прогресса* (с этим феноменом еще разбираться и разбираться, я в него не особенно верю). Наш вариант — в том, что на смену «корректорам» реформ нового курса Александра под № 3 пришли сталинские опричники. Это, видимо, результат достаточно успешной эволюции российской государственности от самодержавия к правовому строю, необратимости либеральных реформ? «Проведенные в либеральные периоды структурные реформы являлись, как правило, необратимыми»²⁹. К сожалению, в нашей истории все обратимо.

Далее вместе с Б. Н. перейдем к проблеме авторитаризма. Кстати, я не стал бы определять российский авторитаризм как абсолютное зло. К чему такие определения? Авторитаризм, сиречь ГКС, располагал очень большими возможностями, умея концентрировать огромные силы и средства: мог побеждать в войнах, осваивать целину и космос и т. д. Правда, насчет «демократического авторитаризма» Б. Н. все-таки погорячился: это сродни тому «демократическому централизму», которым меня обманывали в далекой юности. Тут уж сермяжная правда такова: или демократия, или авторитаризм. *Tertium non datur!*

Б. Н. прав в том, что эффективность труда при таких режимах может быть очень высокой: крепостной труд в России и рабский в США давали неплохие результаты. В США, казалось, рабство стало основой благосостояния нации, обеспечивало главный предмет экспорта — хлопок. Стоимость рабов в 1860-х гг. превышала стоимость всех банков, железных дорог и промышленных предприятий³⁰. Труд рабов использовался на строительстве Белого дома и Капитолия. Дело в том, что современная американская наука пусть с опозданием, но признала, что это первородный грех, а Америка стала самой великой в мире демократией именно после

²⁸ Градовский А. Д. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. СПб., 1899. С. 222.

²⁹ Миронов Б. Н. Циклические концепции истории России в современной историографии... С. 143.

³⁰ Horton J. O., Horton L. E. *Slavery and Making of America*. New York, 2005. P. 7, 159.

отмены рабства и постепенного изживания его из своего быта и нравов. А у нас крепостничество так и не отменили. Про советское крепостничество ярко писал сам Б. Н., пронизывает оно нашу государственность и сегодня³¹.

В ряде случаев автору анализируемой статьи изменяет чувство историзма. Национальной колеей авторитаризм у нас стал далеко не сразу, и в связи с этим призыв не отождествлять государственный строй разных эпох с абсолютизмом повисает в воздухе. Надеюсь, почтеннейший Б. Н. не хочет вернуть нас к одной из самых бессмысленных советских дискуссий об абсолютизме? Тут мне гораздо ближе точка зрения И. Я. Фроянова: самодержавие (абсолютизм, можно сказать и авторитаризм) возникает на рубеже XV и XVI вв. Причем Россия шагнула в абсолютизм, минуя сословно-представительную монархию: ни сословия, ни Боярская дума, ни так называемая Избранная рада не могли влиять на эту ничем не ограниченную власть, которая несколько раз переодевалась, но суть ее оставалась прежней³².

Надо иметь в виду, что и «земская традиция» не очень вписывается в наши традиционные представления о демократическом обществе и самоуправлении. Б. Н. не замечает, что с «реформ» 1550-х гг. самоуправление оказывается под контролем государственной власти — вот почему самоуправления в западном смысле этого слова наша страна не знала. Сейчас, например, нет даже намеков на самоуправление.

Несколько удивляют и соображения Б. Н. об эффективности директивного стиля. Он отступает от авторитаризма и пишет о преимуществах самого такого стиля. В качестве примеров фигурирует все тот же Сталин, тоска по государственному тунеядству у многих наших современников (по опросам ВЦИОМ), а также государства Европы, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии. Звучит несколько расплывчато: надо конкретно вспомнить самых эффективных менеджеров подобного толка: А. Гитлера, А. Пиночета, Салот Сара (Пол-Пота). Это я не к тому, чтобы демонизировать директивный строй управления. Да и что над этим думать, коль «духовно ориентированный подход к управлению в условиях российских реалий так активно формируется»³³. Жаль, что мало кто из россиян об этом знает.

Напрасно, как мне кажется, Б. Н. уделяет столько внимания «мировому опыту управления экономикой». Мы ведь все это уже знаем — мы знаем даже про японскую куклу в виде начальника, которую сотрудники от души мутузят, давая выход своему недовольству. Мы знаем и про наши голое насилие, волюнтаризм, «одобрямс» и пр. Директивный стиль управления, во всяком случае в исторической перспективе, идеализировать не приходится, особенно в патерналистском варианте: «когда лидер выступает с позиции “Я-отец”, концентрация власти в его руках сочетается с заботой о подчиненных и ощущением ответственности за условия их существования». Однако весь опыт истории учит нас тому, насколько опасно злоупотребление властью. И вот еще что: не стоит, видимо, смешивать директивный стиль с авторитаризмом. Подозреваю, что подобное различие особенно ощущали обитатели советского ГУЛАГа: уверен, что их положение мало бы облегчило зна-

³¹ Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. С. 40; Стребков А. И., Черезов Д. Н. К вопросу о лично-зависимой сущности современного государства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2006. Вып. 3. С. 88.

³² Фроянов И. Я. О возникновении русского абсолютизма // Фроянов И. Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 919, 914.

³³ Теория управления. М., 2015. С. 136–152, 283–336.

ние того, что «в современном бизнесе руководители предпочитают авторитарный стиль»³⁴.

Мы не только об эффективности должны думать, но и о ее последствиях. Вернее, о последствиях того самого авторитаризма. Тут мою задачу Б. Н. крайне облегчил, приведя слова «железного канцлера»: «Абсолютизм был бы идеальной формой для европейских государственных образований, если бы король и его служащие не были бы людьми, как все прочие. Абсолютизм сам по себе не так уж и плох. Однако не всегда знаешь, в чьих руках находится управление; поэтому конституционная форма выглядит предпочтительней». В авторитарных государствах это вечная проблема: в чьих руках находится управление, а главное, к чему это управление в конце концов приведет?

В нашем самодержавном строе откровенных недоумков не было (был Палкин, был высмеянный женой Петр III и всем народом — Николай II, но и они были людьми-то неглупыми). Но может ли один человек, даже если это Петр Великий, править всей страной? Огромной страной? Историк, как Эдип, останавливается перед этой старой загадкой. В ход идет манящая клановость: дескать, боролись между собой разные кланы при власти. Меня, например, это совсем не убеждает³⁵. Это все равно что говорить о мафии во времена социализма: неужели бы тогдашние вожди потерпели бы какую-то там мафию, сами будучи *de facto* мафией? Вопросы вполне в духе нашей традиции «Кто виноват?» — кто приказал расстрелять мирное шествие рабочих, кто развязал глупую Русско-японскую войну и т. д. — они ведь никуда не уходят.

Мысль Б. Н. обращается к еще одной извечной проблеме российской истории «Россия и Запад». Автор обвиняет в данном случае всю нашу компанию в «европоцентризме и идеализации Запада». Тут надо разобраться, хотя опять же за всю компанию не отвечаю. Мне не совсем понятен в данном случае ход мысли Б. Н. Он пишет о том, что «все существующие в историографии образы России и Запада — это умственные конструкции, идеальные типы, являющиеся только отчасти эмпирическими обобщениями. Они не выведены индуктивно, путем анализа реальности, а сконструированы путем усиления, выделения, заострения черт, *кажущихся* исследователям наиболее важными и характерными»³⁶.

Если говорить об образе России, который формировался на Западе, то тут не все так однозначно. Ведь был Альфред де Кюстин, который отрицательно изображал Россию, но и тот писал, что лучшего пения, чем в России, он не слышал. Были же и славные русофилы: американцы Джон Крейн, А. К. Кулидж, Ф. Голдер и другие, которые опирались на работы замечательного знатока России Анатоля Леруа-Болье, под чьими суждениями о России почти любой русский подпишется³⁷. А у него также были предшественники. Конечно, западным умом Россию в полной мере все

³⁴ Миронов Б. Н. Циклические концепции истории России в современной историографии... С. 147.

³⁵ Дворниченко А. Ю. Россию понимать умом? // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, вып. 1. С. 201–214; Dvornichenko A. Yu. Stalinism, Boyars and the Russian Tradition // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 2. С. 636–647.

³⁶ Миронов Б. Н. Циклические концепции истории России в современной историографии... С. 148.

³⁷ Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012.

равно не понять — разные миры! Ведь, например, «выдающихся, равновеликих переводов из Пушкина на иностранный язык не существует»³⁸.

Впрочем, и в России с образом Запада было непросто. Для значительных социальных страт это был идеал — помните: «Ах, Франция! Милее нету края...»? Власть же российская со времен Петра испытывала некое раздвоение личности. С одной стороны, хотелось брать на Западе его достижения, а с другой, ни в коем случае не допускать проникновения демократии, что могло бы нанести удар по российской государственности и народу. Всегда был навязанный среднестатистическому россиянину мрачный образ Запада, когда при слове «США» представлялись только гангстеры.

То же самое и с идеализацией. Такое чувство сродни любви, а значит, в нем что-то божественное или наоборот, inferнальное. Ученый, претендующий на объективность, такого допускать не должен. Я ничего не идеализирую, но то, что Запад более эффективен, хотя бы потому что таких смут не переживает, кто это будет отрицать? Так ведь главный западник у нас сам Б. Н.! Модернизация, которую он так любит, — не что иное, как вестернизация, и даже, если исходить из идей Ш. Н. Эйзенштадта о множественности путей модернизации, все равно западный образец никуда не девается.

Рассуждая о достижениях нашей страны, Б. Н. в своей статье оперирует такими понятиями, как «среднеевропейские/среднезападные» показатели, темпы и пр. Я же всегда считал и считаю, что Россия уникальна, как и Китай. Никто же не решится сравнивать Китай с Западом, так зачем же нашу страну сравнивать? Только потому, что она раньше, шире и глубже стала заимствовать очень многое из западной культуры, материального быта и т. д.? То, что Россия войдет в клинч с Западом, мне стало ясно уже во второй половине 1990-х, хотя и тогда, и позже очень хотелось единения³⁹.

В статье на основе своих предшествующих исследований Б. Н. рисует целую картину имперской модернизации. Успехи наблюдались здесь, наблюдались и там: всегда ведь можно найти что-то хорошее... Кстати говоря, сравнения России и Запада у Б. Н. выглядят далеко не всегда корректно. Тут Б. Н. применяет, с моей точки зрения, довольно сомнительные доводы, например «общее мнение», как-то странно изучает лаг между Россией и Западом.

Для того, чтобы что-то с чем-то сравнивать, в том числе и в плане пресловутого лага, надо, чтобы в основе сравнения лежали какие-то несомненные факты. Но так ведь не получается, особенно если это касается доимперской истории. Почему лаг между Древнерусским государством (не знаю, что это такое) и западными странами, по мнению автора, составлял 300–400 лет?⁴⁰ Из чего это следует? Или вот: сословно-представительные органы появились в Европе в XIII–XIV вв., а в России первый такой орган в 1549 г. — «Земский собор с совещательными и законодательными функциями»⁴¹. Но почему же Земский собор оказался сословно-представи-

³⁸ Тарковский А. А. Загадка Пушкина // Тарковский А. А. Стихотворения разных лет. Статьи, заметки, интервью. М., 2017. С. 352.

³⁹ Дворниченко А. Ю. Россия уникальна, но призвана сближаться с Западом // Вечерний Петербург. 2005. 2 нояб. № 192. С. 9.

⁴⁰ Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. С. 29.

⁴¹ Там же. С. 32.

тельным органом, притом что последних у нас вовсе не было⁴². Чтобы сравнивать, Б. Н. должен доказать, что они таковыми были, а иначе сравнение повисает в воздухе и, по остроумному выражению московского историка Д. В. Лисейцева, вполне напоминает сравнение велосипеда с ветряной мельницей⁴³. Я бы распространил это вообще на наши попытки сравнить Россию и Запад.

Но вернемся к нашим достижениям. В эту дискуссию погружаться не могу и не хочу, хотя мне всегда было непонятно, как рост и вес человека могут служить свидетельством каких-то глубинных процессов модернизации. Есть же и просто акселерация. Считается, например, что вес и рост могут зависеть от местоположения Солнца в момент появления на свет того или иного индивидуума. Кстати, в связи с этими «достижениями» Б. Н. упоминает монографию И. В. Поткиной, стоявшую в центре дискуссии⁴⁴. Трудолюбивая исследовательница собрала большой материал, но меня, например, не убедила. Ну, издавала российская власть указы, и что? Для чего же тогда вообще власть нужна: щеки надувать и коррупции предаваться? С указами у нас всегда было хорошо (издавалось в иные периоды вплоть до миллиона циркуляров), а вот с их воплощением в жизнь — плохо. Власть во все времена верила, что именно указы все решают, что стоит издать очередную резолюцию, жизнь пойдет иным руслом. Если бы они были эффективны, не обрушилась бы на Россию очередная смута. Тем более что при ближайшем рассмотрении, как показал П. В. Лизунов, этот «общевропейский тренд» подтверждения не получает: политика царского правительства в отношении рынка ценных бумаг, фондовой биржи и коммерческих банков была другой, отличной от европейской⁴⁵. Прав он и в другом: чтобы делать какие-то выводы, надо мобилизовать обширный архивный материал. Коллин М. Мур в своей статье убедительно пишет о том, что большинство постановлений правительства об установлении фиксированных цен распространялись только на товары, закупаемые для армии⁴⁶. Да и самому Б. Н. приходится привлекать новейшие исследования по этому вопросу, чтобы поддержать И. В. Поткину, которая называет Б. Н. историком-экономистом. На мой взгляд, он все-таки не экономист, а социолог. Экономисты же прекрасно показали, что наше царство — королевство кривых зеркал и упущенных возможностей: когда надо было угольную промышленность развивать, делали упор на дрова, а когда надо было делать ставку уже на добычу нефти, занялись углем. Вместо крепкого «нутряного» капитализма пробавлялись верхушечным, казенным, коррумпированным и не очень-то жизнеспособным его подобием⁴⁷.

Меня удивили некоторые историографические оценки. Вернее, я так и не понял, как автор оценивает монографию В. И. Бовыкина «Россия накануне великих

⁴² Лисейцев Д. В. Почему Земский собор — не парламент? // Российская история. 2020. № 4. С. 142–150.

⁴³ Там же. С. 147.

⁴⁴ Поткина И. В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб., 2022.

⁴⁵ Лизунов П. В. Фондовая биржа и коммерческие банки в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, вып. 1. С. 93–108.

⁴⁶ Moore C. M. States of Welfare: Regulating the Economy in War and Revolution // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, вып. 1. С. 82–92.

⁴⁷ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 386 и след.

свершений», которую, учитывая дату ее издания, можно рассматривать как символический акт завершения худших тенденций советской исторической науки⁴⁸.

Раз уж зашла речь о дискуссии, скажу и о статье М. А. Давыдова⁴⁹. На ее примере видно, что основной недостаток подхода тех, кто занимается историей поздней имперской России, заключается в отсутствии глубокого исторического погружения в нашу историю. И неважно, «оптимисты» они или «пессимисты». Давыдов считает, что после Великих реформ Россия *сознательно* воплощала гигантскую *антикапиталистическую утопию*, игнорируя все то, что принесло процветание конкурентам, и в первую очередь — общегражданский правовой строй, соответствующие права всего населения, а также свободу предпринимательства.

Автор соорудил весьма сложную и курьезную картину. Этого не произошло бы, если бы он был знаком с моей концепцией, ведь ГКС просто не уживается с его построениями. И придуманное автором «новое общественное настроение» вырастает не из идей славянофилов, а из послания старца Филофея и других старцев. Социально-расистские взгляды российского общества разглядеть в отличие от М. А. Давыдова не могу — власть, а не общество выжимала из так называемых реформ все, что могла. Стоит ли такое сакральное значение придавать отречению Николая? Этот правитель сам себя изжил и пал, как та груша из буддийского коана. Даже для нашего ГКС, чтобы как-то ворочаться в мировом пространстве, нужны более весомые причины, чем отречение всеми уже при жизни забытого неудачливого правителя.

Мне кажется, что идеализация ГСК присутствует и в очень интересной статье выдающегося американского историка Грегори Л. Фриза⁵⁰. Он предъясвляет РПЦ претензии, я бы сказал, по гамбургскому счету: она, дескать, не поддержала должным образом режим, в отличие от западных церквей, поддержавших свои режимы.

Но ведь все дело в предшествующей истории. У нас не какой-нибудь «цезарепапизм», а «симфония», а она у нас всегда была с фальшивыми нотами, отчего, как показал великий П. Н. Милюков, лишенная опоры в народе Церковь в России стала органом государственной власти. Отсюда и господство обряда, и мертвенность нашей веры⁵¹. Много ли народов в мировой истории самозабвенно громило свои святыни? В первую смуту начала XVII в. церковная организация сыграла свою роль (достаточно вспомнить патриарха Гермогена), хотя не такую уж и значительную.

Но тогда и смута была «классической», и Церковь еще была на подъеме. Потом под самодержавно-чиновничьей пятой укреплявшегося год от года ГКС все изменилось. К тому же все эти ужасы: украинский вопрос с проистекающим из него расколом и прочее — будет уже после. А после третьей смуты власть попыталась возродить эту свою подпорку. «Лицом к лицу лица не увидать...», пока неясно, что из этого получилось (хотя храмы уже в шаговой доступности), но мне почему-то кажется, что и в следующую смуту она значимой роли снова не сыграет.

⁴⁸ Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.

⁴⁹ Давыдов М. А. Проблемы модернизации России: размышления над книгой И. В. Поткиной // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, вып. 1. С. 25–50.

⁵⁰ Freeze G. L. Imperial Russia as a Failed State: The Role of Orthodox Church // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, вып. 1. С. 67–81.

⁵¹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб., 2008. С. 597.

Снова возвращаюсь к достижениям, в данном случае в советский период. Можно сколько угодно славных таблиц приводить, где мясо и мясопродукты учитываются, например, с костями. Но я же помню, как бегал в конце 1970-х — начале 1980-х гг. по Ленинграду — в магазинах не было даже и костей! И как стоял в очереди за хлебом и маслом еще ребенком в начале 1960-х. И никакие таблицы меня — очевидца событий — не убедят, наверное, как не убедили бы они и голодающих Поволжья. И то, что разрыв между СССР и странами Запада, по Б. Н., сократился тогда со 100 лет до 42, почему-то не радует меня даже и сейчас.

Что касается нынешнего периода, то тут мне надо покаяться. Тут Б. Н., наверное, прав. Видимо, я так очарован свободой слова, которой значительную часть жизни просто не ведал, что слишком на ней сосредоточился. Достижения велики: наша власть показала себя (не скажу в данном случае иностранного слова «менеджер») прекрасным организатором. Заходишь в МФЦ, где нет очередей или в магазин, где много товаров и продуктов, в отличие от советских времен, и вспоминаешь власть добрым словом. Однако, не все так розово: есть же и индекс Джини, которому нас, вообще-то, научил сам Б. Н., и триллионы, куда-то там утекающие из страны. Разрыв между бедными и богатыми у нас колоссальный, среднего сословия по-прежнему не наблюдается, а красивые линии графиков (да простит меня Б. Н.) не очень убеждают. С чем, как говорится, сравнивать: если с советским периодом, то тогда на пенсию можно было даже и прожить.

Не знаю, насколько может радовать наличие «значительных теневых доходов, не учитываемых официальной статистикой». По всей видимости, это значит, что уровень бедности официальной статистикой преувеличен. Но ведь мы это все уже проходили во времена Брежнева, который и сам искренне удивлялся, что не все граждане воруют: чем на жизнь жаловаться, лучше воровать! Однако, что касается остального — калорийности питания, банковских вкладов и прочего, то Б. Н. совершенно прав.

Правда, у нас перед всеми смутами вклады растут. К тому, о чем пишет Б. Н., добавлю опыт своей бабушки: она целых 10 тыс. рублей накопила — я до сих пор храню как исторический артефакт ее сберегательную книжку. Ну, а «выдающиеся успехи... в сфере образования»⁵² я позволю себе оставить на совести Б. Н. Вообще, одних цифр маловато: надо бы оценить качество. Средняя продолжительность жизни выросла, а хороша ли сама жизнь-то? Так же как и качество тех метров жилья? Да и калорийность все-таки по регионам надо бы сравнить. Можно, конечно, сильно радоваться, что семья у нас не авторитарно-составная, а нуклеарно-демократическая, но как-то порадоваться не получается, особенно глядя на демографическую ситуацию. Про культуру говорить не буду, а то точно скажут, что я злопыхатель. А мне, воспитанному на репертуаре тогдашнего БДТ, на фильмах А. А. Тарковского, вся нынешняя культура представляется чем-то серым и весьма сомнительным.

Я вовсе не хочу сказать, что никакого развития у нашей России не было. Это было бы странно, все живущее как-то развивается. Тут уж не знаешь, какому богу молиться, чтобы таких достижений было побольше, но «в конце дороги той плаха с топорами», как пел В. С. Высоцкий, то есть очередная российская смута. И какова цена, например, советским достижениям, если постсоветская Россия стала «первой

⁵² Миронов Б. Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 62–95.

нацией в истории, подвергшейся настоящей демодернизации в мирное время»⁵³. К тому же к теории смут сие имеет весьма опосредованное отношение. Исследование смут показало, что рождаются они не столько в голодных желудках россиян, сколько в головах властей предержажих, рождаются из самой ситуации, которая сопряжена с сомнительными действиями этой власти, ее ошибками и т. д. И не так уж важно, в результате чего страна погружается в смуту: в результате классического общего кризиса, общего модернизационного кризиса по Б. Н. Миронову или вообще без кризиса.

Последнее замечание Б. Н. — наша компания «поддерживает негативное отношение к властям всех уровней». Поддерживать такие отношения к власти в условиях ГКС — позиция не очень благодарная. Что касается высших представителей, то о себе могу сказать следующее. Ненавидел и буду ненавидеть И. Сталина и никаких заслуг его не признаю. Пусть и сам он порождение ГКС, но его преступления перед народами России безмерны и непростительны⁵⁴. Это ненависть на каком-то генетическом, что ли, уровне. Что касается остальных, то они все для меня подобны памятнику Хрущеву работы Э. Неизвестного: черные и белые плиты — положительные и отрицательные качества. И еще. Конечно, при нашем строе роль личности совсем другая, чем в западных демократиях. Тем не менее можно ли ее роль преувеличивать? Впрочем, над этим вопросом наука будет биться еще много лет.

Завершить мне хотелось следующим. Уникальность нашей истории, нашего строя проявляется во всем, в частности в восприятии собственной истории. Смело можно сказать, что ни в одной стране мира прошлое не является столь непредсказуемым. Такая ситуация — следствие нашей же истории, беспрецедентного вмешательства государства в науку в советский период. Интересно, что в досоветскую эпоху, несмотря на наличие жесткой цензуры, такого вмешательства не было — наука развивалась более естественно, и ученые приходили к консенсусу. Нам тоже нужно нечто подобное, но достичь этого можно только в спорах, дискуссиях. Росчерком чиновничьего пера, всяческими ГОСТами, организацией академических бригад, созидающих многотомные сочинения, этого не добиться. Так будем же дискутировать!

References

- Bovykin V. I. *Rossii nakanune velikikh svershenii. K izucheniiu sotsial'no-ekonomicheskikh predposylok Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 155 p. (In Russian)
- Buldakov V. P. *Revoliutsiia ili smuta, stabil'nost' ili zastoi? K itogam stoletnikh nedoumenii. Trudy po rossievedeniiu*, 2018, no. 7, pp. 23–47. (In Russian)
- Cohen S. "Vopros voprosov": pochemu ne stalo Sovetskogo Soiuzo? Moscow, AIRO-XXI Publ., 2022, 216 p. (In Russian)
- Davydov M. A. *Problemy modernizatsii Rossii: razmyshleniia nad knigoi I. V. Potkinoi. Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, p. 25–50. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Proshchanie s revoliutsiei*. Moscow, Ves' mir Publ., 2018, 272 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossii. Zagadka istorii*. Moscow, Ves' mir Publ., 2015, 240 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samoderzhavii*. Moscow, Ves' mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian)

⁵³ Коэн С. «Вопрос вопросов». С. 97.

⁵⁴ Ермаков В. Д. «Малой кровью — могучим ударом»: 22 июня 1941 года. СПб., 2021.

- Dvornichenko A. Yu. Rossiia ponimat' umom? *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 1, pp. 201–214. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Smuta as a Factor of the Russian History. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 677–701. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Stalinism, Boyars and the Russian Tradition. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 2, pp. 636–647.
- Dvornichenko A. Yu. The Place of the Kievan Rus in History. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, issue 4, pp. 5–16.
- Dvornichenko A. Yu. Tsentri i regiony v Rossii pri “starom rezhime”: dialektika razvitiia vzaimootnoshenii. *Tsentri i regiony v istorii Rossii: problemy ekonomicheskogo, politicheskogo i sotsiokul'turnogo vzaimodeistviia*. St Petersburg, Skifiia-print Publ., 2010 (Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1), pp. 8–61. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Why the GDL? Why Muscovy? The Early States of Eastern Europe in Comparative Historical Discourse. *Russian History*, 2022, no. 48 (2), pp. 129–157.
- Dvornichenko A. Yu. Zemskaiia i gosudarstvennaia traditsii v istorii dorevoliutsionnoi Rossii. *Istoriia. Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii*. St Petersburg, St Petersburg University Press, 2008, pp. 459–474. (In Russian)
- Ermakov V. V. “Maloi krov'iu — moguchim udarom”: 22 iunia 1941 goda. St Petersburg, Avrora Publ., 2021, 240 p. (In Russian)
- Freeze G. L. Imperial Russia as a Failed State: The Role of Orthodox Church. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, p. 67–81.
- Froianov I. Ia. O vozniknovenii russkogo absoliutizma. *Froianov I. Ia. Nachala russkoi istorii. Izbrannoe*. Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 908–919. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Rossiia. Pogruzhenie v bezdnu*. Moscow, Rodina Publ., 2019, 384 p. (In Russian)
- Gradovskii A. D. *Sobranie sochinenii*. Vol. 1. St Petersburg, Tip. M. M. Stasiulevicha Publ., 1899, 421 p. (In Russian)
- Horton J. O., Horton L. E. *Slavery and Making of America*. New York, Oxford University Press, 2005, 256 p.
- Limonov V. A. Tsiklichnost' istoricheskogo protsessa v sotsiologii i filosofii XX veka. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2011, no. 3, pp. 58–64. (In Russian)
- Liseitsev D. V. Pochemu Zemskii sobor — ne parlament? *Rossiiskaia istoriia*, 2020, no. 4, pp. 142–150. (In Russian)
- Lizunov P. V. Fondovaia birzha i kommercheskie banki v gody Pervoi mirovoi voiny. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, p. 93–108. (In Russian)
- Marchenia P. P. Imperiia kak forma bytiia rossiiskoi tsivilizatsii (k voprosu o mirovozzrencheskikh imperativakh gosudarstvennoi politiki v Rossii). *Iuridicheskaia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2021, no. 1 (53), pp. 315–317. (In Russian)
- Marchenia P. P. K voprosu o sootnoshenii kontseptov smuty i revoliutsii v sovremennom otechestvennom sotsiogumanitarnom znanii. *Filosofskie issledovaniia i sovremennost'*, issue 10. Moscow, IPL Publ., 2021, pp. 87–94. (In Russian)
- Marchenia P. P., Razin S. Iu. Imperiia Rossiia: po materialam nauchnogo proekta “Narod i vlast”. *Vesnik Grodzenskaga dzharzhaunaga universiteta imia Ianki Kupaly. Seryia 1. Gistoryia i arkhealogiia. Filasofiiia. Palitalogiia*, 2020, vol. 12, no. 3, pp. 127–136. (In Russian)
- Mironov B. N. *Istoriik i sotsiologiia*. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 174 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Kul'turnyi kapital Rossii za tysiachu let, *Ekonomicheskaia politika*, 2013, no. 1, pp. 62–95. (In Russian)
- Mironov B. N. Pogruzivshaia v smutu i ukraivshaia pobedu revoliutsiia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 693–716. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2019, 528 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Russkaia revoliutsiia 1917 goda v kontekste teorii revoliutsii. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no. 2, pp. 72–84. (In Russian)
- Mironov B. N. Russkaia revoliutsiia 1917 goda v kontekste teorii revoliutsii. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no. 3, pp. 106–115. (In Russian)

- Mironov B. N. *Sotsial'naiia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)*, vol. 1. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, 548 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Strasti po revoliutsii. Nruvy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2013, 336 p. (In Russian)
- Moore C. M. States of Welfare: Regulating the Economy in War and Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 82–92.
- Nikonov V. A. *Rossiiskaia matritsa*. Moscow, Russkoe slovo — uchebnik Publ., 2014, 992 p. (In Russian)
- Potkina I. V. *V preddverii katastrofy. Gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914–1917 godakh*. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022, 380 p. (In Russian)
- Povilaitis A. V. Problema iteraktivnosti i tsiklichnosti istoricheskogo protsessa: sotsial'no-filosofskii analiz. *Manuskript*, 2020, vol. 13, issue 11, pp. 168–174. (In Russian)
- Riazanov V. T. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii. Reformy i rossiiskoe khoziaistvo v XIX–XX vv.* St Petersburg, Saint Petersburg University Press, 1998, 796 p. (In Russian)
- Rubinshtein N. L. *Russkaia istoriografiia*. St Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2008, 938 p. (In Russian)
- Sorokin P. A. *Sotsial'naiia i kul'turnaia dinamika: issledovanie izmenenii v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnoshenii*. St Petersburg, RKhGI press, 2000, 272 p. (In Russian)
- Strebkov A. I., Cherezov D. N. K voprosu o lichno-zavisimoi sushchnosti sovremennogo gosudarstva. *Vestnik of Saint Petersburg University*, ser. 6, 2006, issue 3, pp. 87–93. (In Russian)
- Tarkovskii A. A. Zagadka Pushkina. *Tarkovskii A. A. Stikhotvoreniia raznykh let. Stat'i, zametki, interv'iu*. Moscow, Literaturnyi muzei Publ., 2017, pp. 351–355. (In Russian)
- Voskresenskaia N. O. O faktorakh padeniia Rossiiskoi imperii i ikh otsenkakh v istoricheskoi nauke. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 51–66. (In Russian)
- Zhuravleva V. I. *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify. 1881–1914*. Moscow, RGGU Press, 2012, 1136 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 31 октября 2022 г.

Рекомендована к печати 30 января 2023 г.

Received: October 31, 2022

Accepted: January 30, 2023